

Первая борьба

Из записок

1869

Хвощинская Н. Д. Повести и рассказы / Сост., подготовка текста, послесл., примеч. М. С. Горячкиной.-- М.: Моск. рабочий, 1984.

[OCR Бычков М. Н.](#)

Беспрестанно, и едва ли не на каждом шагу, слышу я жалобы, что людей ломает жизнь; что общество, где они бывают поставлены, что старшие, имеющие над ними власть, заставляют их изменять себе, идти против своих наклонностей, тратить силы и мельчать; что в этой тяжелой, напряженной борьбе гибнут способности, которые, если бы сохранились, принесли бы пользу обществу и счастье своим обладателям. Ни от кого так часто, как от людей моего поколения, недавно вступившего на поприще деятельности, не слышу я этих жалоб. Они мне надоели. Мне самому еще нет тридцати лет, и вынес я довольно,-- не меньше, если еще не побольше этих жалующихся...

Да, больше. Мне почти с детства досталась на долю нравственная борьба. Я не заслужил бы ни малейшего упрека в малодушии, если бы изменился; одинокий, без примера, без совета, без дружбы и поддержки, я был бы даже вправе измельчать. Я не измельчал.

Я набросал заметки об этой борьбе моей ранней юности. В ней сложилось все, что руководило меня в жизни, и хотя впоследствии моя жизнь и богаче драмой, но вся ее сущность в этом начале. Эта бедная история глубока содержанием.

Я не называю этого рассказа "исповедью". Я не нахожу сам и, полагаю, ни один здравомыслящий человек не найдет в моих поступках и побуждениях ничего тягостного для совести,-- такого, в чем принято раскаиваться и в чем публичное покаяние считается подвигом. Я не назову рассказа и "признаниями". В них нет для меня ничего неловкого и щекотливого, такого, что передается чужому слуху по необходимости или в минуты сентиментального увлечения. Я не увлекаюсь; у меня нет людей, к которым бы меня притягивало это предательски-глупое чувство. У меня нет и житейской необходимости разъяснять мои поступки. Я не чувствую потребности ни оправдываться, ни доверяться,-- я доволен собою.

Знаю, потому что не раз слышал, упрек, который делается за подобные слова. Но если они искренни? Более того: если чувство, вызвавшее их, справедливо? Тот, кто, разобрав себя, выговаривает их с полным сознанием, должен ли, может ли подвергаться упреку в гордости?

Но, положим, и так. Только это -- гордость законная. Такая гордость имеет право делать указания. Человек, устоявший в борьбе, имеет право ставить себя в пример малодушным плакальщикам, самолюбивым крикунам, замечтавшимся фразерам...

Но я заражаюсь их примером: я волнуюсь! Нет, они того не стоят. Эти господа вовсе не имеют в моих глазах такой важности, чтоб я стал беспокоиться, серьезно спорить с ними. Они мне просто надоели... Меня поймут и оценят люди с чувством более тонким. Пожалуй, может быть, и те, тоскующие, что сломаны жизнью, вопиющие о грубости среды, о скудости насущного хлеба, о стеснении мысли, задумаются над моим рассказом, положив руку на сердце, сравнят свое и мое испытание и сознаются (выражаясь их слогом), что не им одним "подчас приходится круто..."

У меня огромная память. Эта счастливая способность, конечно, много помогла моему развитию. Обстоятельства, даже раннего детства, люди, обстановка,-- все будто еще перед глазами. Записывая, я не буду стесняться выбором этих образов. Мне попадутся под руку, может быть, и не самые яркие,-- что нужды? Как в жизни, исполняя свои желания, я говорил: "Так должно",-- так и в рассказе буду отдаваться настроению минуты: что вызовет оно, то и скажется. Что бы ни сказалось, моя личность достаточно отделится от темного фона моей обстановки,-- моей *среды*, имевшей все средства и все поползновения *заесть* меня...

Я начинаю помнить себя с пяти лет. Я был единственный у отца с матерью. Это были люди бедные. Жили мы в уездном городе. Отец как-то служил. Мне было пять лет, когда умерла мать. Я не